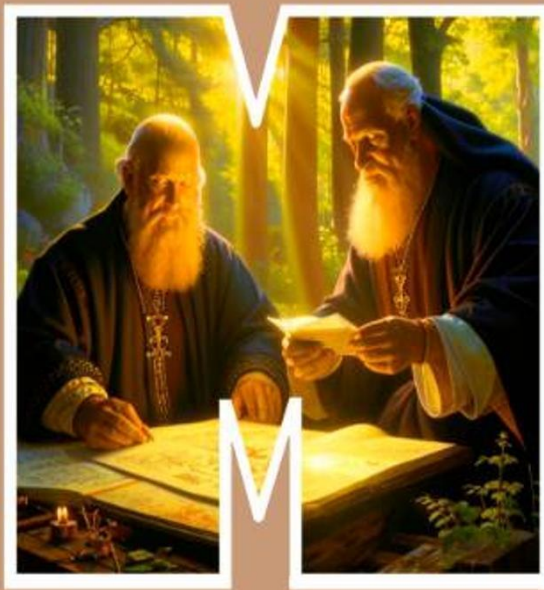
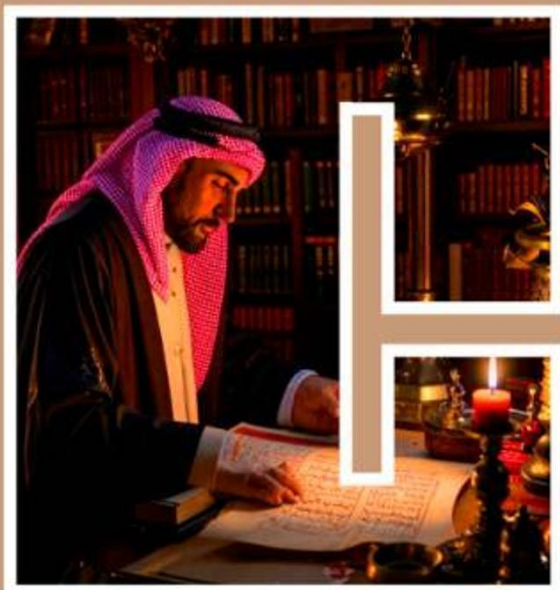
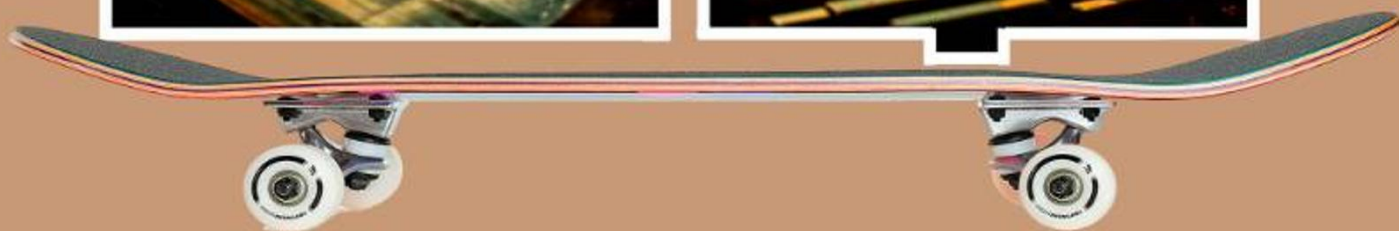

Александр и Елена Ольшанские

**ТРОПЫ ЗЕМНЫЕ,
ТРОПЫ НЕБЕСНЫЕ**

Александр Ольшанский

Тропы земные, тропы небесные

«Автор»

2026

Ольшанский А. И.

Тропы земные, тропы небесные / А. И. Ольшанский — «Автор»,
2026

Что, если буквы — живые существа, путешествующие сквозь время? Они пахнут глиной и морем, звенят свинцом и светятся электроникой. Именно это открывает команда СМУФ на своем чудо-скейте, мчащемся сквозь историю письменности. Вас ждёт головокружительное приключение: от Древнего Шумера с его клинописными «эמודзи» до Александрийской библиотеки; от рождения бумаги в Китае до металлических литер Кореи, обогнавших Гутенберга; от подвига Кирилла и Мефодия и петровской реформы, рубящей «бороды» буквам, до самиздата и книг будущего. Эта книга — настоящая машина времени, которая покажет, как слова становились мостами между людьми, тропами от сердца к сердцу. Вы узнаете, почему арабы считали буквы молитвой, финикийцы — товаром, а ирландские монахи превращали страницы в танцующие лабиринты. И поймёте главное: даже клякса может стать шедевром, а самая важная тропа — не в пространстве, а во времени.

© Ольшанский А. И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Когда буквы обретают крылья	5
Часть I. Славянские тропы	8
Глава 1. Солунские братья и три языка Бога	8
Глава 2. Тайна «пропавших» звуков	15
Глава 3. Каменная летопись. Когда скалы говорят	20
Глава 4. Чернила из черники и гнева	23
Глава 5. Остромирово Евангелие. Буква как ювелирное искусство	29
Глава 6. Берестяные грамоты: Когда история пишется ножом	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ясна Александровна Олышанская, Александр Олышанский

Тропы земные, тропы небесные

Пролог. Когда буквы обретают крылья

Забайкальская лаборатория «Планетарных проблем» пахла озоном, старыми книгами и, кажется, чем-то радостным. Может, школьными каникулами? Такое возможно?! Этот запах был самым стойким — он проникал в каждый уголок, смешивался с ароматом чая и витал над головами, как невидимый луч свободы, беззаботности, будущих летних деньков, походов и душевных вечеров у костра... Но Урсула, младшая сестра Алисы, сидела за огромным столом и смотрела на чистый лист бумаги с выражением глубочайшей скорби.

— Ну почему, — простонала она, — почему именно мне выпало писать реферат по истории книгопечатания? Я могла бы писать про динозавров! Про космос! Даже про то, как сделать идеальный скейт-трик! Но нет — буквы, буквы, буквы...

— Буквы — это круто, — отозвалась Сиф, лениво катаясь по лабораторному полу. — Как без букв ты бы прочитала инструкцию, например, к новому скейту!

— У меня нет нового скейта! — возразила Урсула. — И вообще, зачем мне знать, как там у какого-то древнего Гутенберга было всё устроено? Я просто хочу сдать реферат и уже уехать в лагерь!

— Тогда, может, мы тебе немножко подсобим? — предложил Ужастик, высунув голову из-под стола, где он устроил себе уютное гнездо из старых журналов. — Мы много где были, много чего видели. Мы можем... э... вдохновить тебя.

— Вдохновить? — Урсула скептически посмотрела на ужа в шапке с помпоном. — И как именно ты меня вдохновишь?

— Мы же можем показать тебе историю книгопечатания! — воскликнула Сиф, останавливаясь. — Не просто рассказать, а показать! Вживую!

Монетка, до этого молча сидевший на книжной полке и мысленно изображавший статую орла, тяжело вздохнул.

— Сиф, ты хочешь сказать, что мы... отправимся в прошлое? — спросил он с нескрываемым скепсисом. — Только ради того, чтобы помочь девочке с рефератом? Мы же не таксопарк, мы — научно-исследовательская команда!

— Научно-исследовательская команда, которая ничего не исследует уже целую неделю! — парировала Сиф. — У тебя, Моня, есть идеи получше?

Монетка замялся. Честно говоря, идей у него не было. Кроме одной — понять о старых добрых временах.

— Ну... — начал он.

— Вот именно, — перебила Сиф. — Значит, план такой: мы отправляемся в прошлое, смотрим на всё своими глазами, запоминаем, а потом возвращаемся и помогаем Урсуле написать самый крутой реферат в истории её школы. А, возможно, в истории всего человечества! Идёт?

— А что скажет Алиса? — спросил Ужастик с сомнением.

Именно в этот момент в лабораторию вошла Алиса с чашкой чая в руках. Она окинула взглядом компанию — Сиф, стоящую на скейте, Монетку, застывшего с видом оскорблённого достоинства, Ужастика, запутавшегося в ворохе журналов, и Урсулу со стопкой чистых листов для последнего перед каникулами реферата.

— Я правильно расслышала, вы хотите отправиться в прошлое? — спросила она с улыбкой.

— Э... да, — призналась Сиф. — Чтобы помочь тут некоторым с рефератом.

Алиса задумчиво посмотрела на Футю, который тихо стоял в углу, поблескивая металлическим боком.

— Ну, Футя как раз обновлён, — сказала она. — Усиленный хроноблок, новые настройки... Почему бы и нет? Только будьте осторожны. История — штука сложная. Не вмешивайтесь слишком сильно.

— Мы ж никогда не вмешиваемся, — заверил Монетка. — Мы просто... наблюдаем.

— Мы очень осторожны! — заверил Алису Ужастик. И тихо добавил. — Иногда.

— По-быстрому смотаемся и вернёмся! — пообещала Сиф. — Соберем самые точные данные для реферата по книгопечатанию. Делов-то!

Алиса улыбнулась и махнула рукой.

— Тогда поезжайте. Только не забудьте вернуться к обеду. Я испеку торт.

— Торт? — оживился Ужастик. — С мёдом и сливками?

— С мёдом и сливками, — подтвердила Алиса. — Если вернётесь вовремя.

Команда СМУФ переглянулась. План был прост: отправиться в прошлое, посмотреть на историю книгопечатания, запомнить самое важное и вернуться к обеду. Что могло бы пойти не так?

Всё, как всегда.

— Урсула, запасись еще бумагой, — сказала Сиф, забираясь на Футю. — Мы привезём тебе столько информации, что твой учитель ахнет!

— Поехали! — крикнул Ужастик, и Футя, издав тихий гул, начал светиться.

Вспышка света озарила лабораторию, и когда она погасла, команды уже не было. Только Урсула и Алиса стояли в тишине, глядя на пустующее место.

— Они вернутся? — спросила Урсула.

— Они всегда возвращаются, — ответила Алиса. — Вопрос только в том, с чем.

И она улыбнулась, глядя в окно на бескрайние забайкальские просторы. А у команды СМУФ начиналось новое приключение, полное букв, трюков и удивительных открытий.

Часть I. Славянские тропы

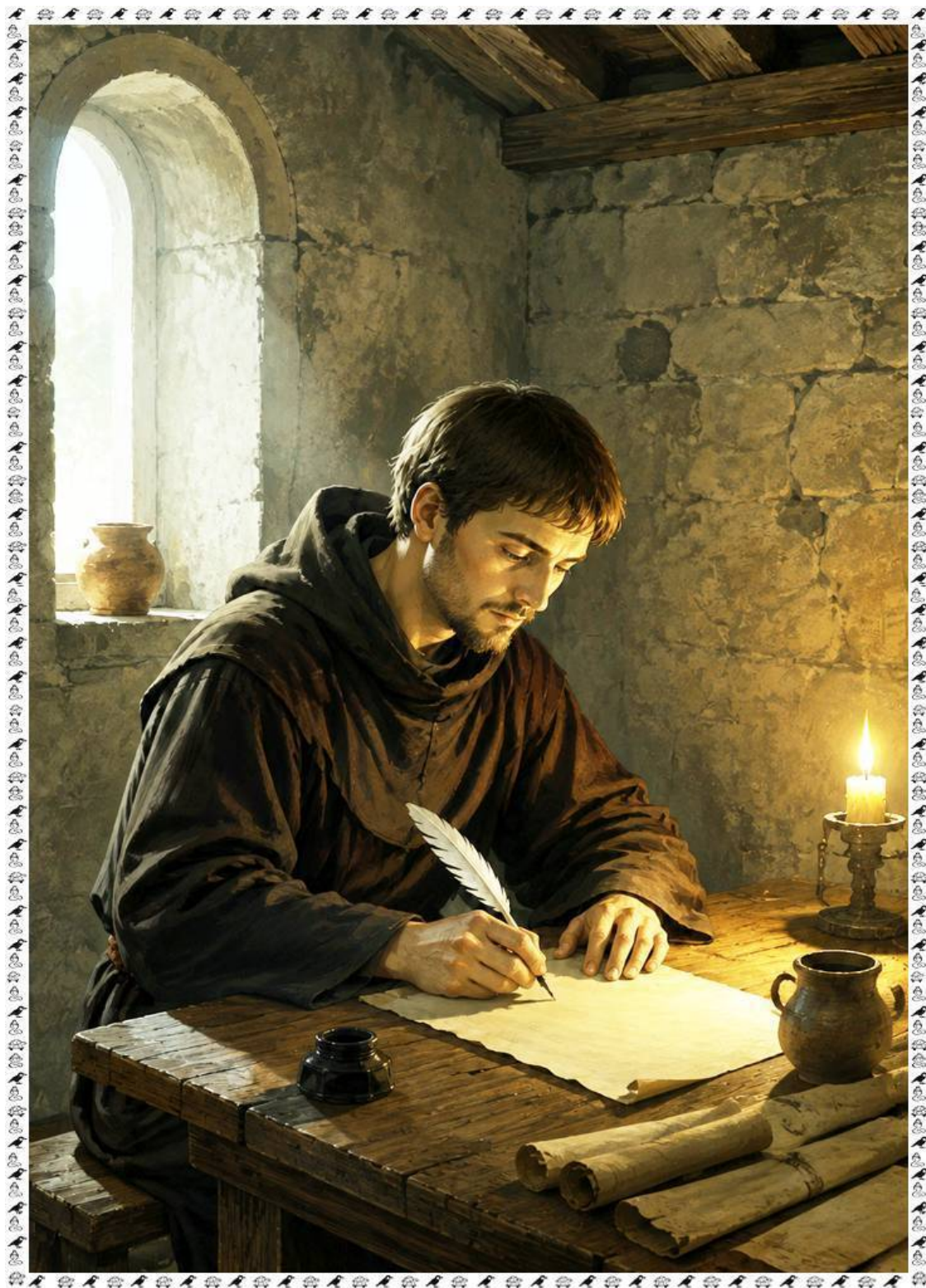
Глава 1. Солунские братья и три языка Бога

Воздух в монастырской келье был густым, как бульон из вековых размышлений. Пахло воском потухших свечей, пыльным пергаментом и терпкой смолой чернил, что варили в медном котле у печи. Сквозь узкое окно пробивался слабый свет раннего моравского утра, золотивший завитки дыма и две склоненные над столом фигуры. Константин Философ, младший из братьев, водил тонким каламом по листу плотной кожи, выводя загадочные, плавные знаки. Каждая линия была словно молитва или песнь. Молчаливое песнопение затейливого ума.

Рядом, тяжело опершись на посох, стоял Мефодий, его лицо, изборожденное морщинами и заботами, было сумрачно.

— Опять твои «крюки» и «круги», Константин? — проворчал Мефодий, тыча посохом в пергамент. Его голос, привыкший командовать солдатами и судить споры, казался слишком громким для тихой кельи. — Народ простой. Мужики, пахари. Им нужна ясность, как весеннее небо! А это... — он махнул рукой на изящные знаки, — это паутина для мотыльков-книжников. Красиво, да непонятно. Нам же азбуку для души людской ковать, а не для украшения палат!

Константин не отрывал глаз от работы. Его пальцы, тонкие и нервные, двигались с удивительной точностью.

— Не паутина, брат, — возразил он тихо, но твердо. — А сеть для уловления света Божьего в словах. Каждый знак глаголицы — не просто звук. Он — образ. Взгляни: вот «Аз» — Человек, стоящий прямо, устремленный к небу. Начало пути, начало слова, начало всего. А «Буки» — Дом. Очаг. Укрытие для души. Разве не прекрасно? Разве не ясно?

— Ясно, что кузнец Мирослав, который трижды креститься, прежде чем имя свое выпарапать на подкове, сломает голову, разбирая твои завитушки! — парировал Мефодий. — Латинские буквы Рим нам навязывает — прямые, резкие, как мечи. Греческие — витиеватые, как речи византийских риториков. А нам, славянам, что? Свой путь нужен! Ясный, как родниковая вода. Простой, как хлебный колос. Вот «А» — как шатер. «Б» — как брюхо сытого медведя! — Он сердито черкнул на краю пергамента два угловатых знака, похожих на наспех сколоченные дровни.

Константин вздохнул. Спор этот длился дни и ночи, с тех пор как князь Ростислав призвал их из Солуни, умоляя дать славянам слово Божие на их собственном языке. Как записать это живое, певучее, то грозное, то нежное славянское слово? Как втиснуть его в «прокрустово ложе» чужих алфавитов?

Внезапно тишину кельи разорвал странный звук — нарастающий гул, похожий на жужжание гигантского шмеля, смешанное со свистом ветра в ущелье. Воздух за окном заколебался, заискрился, и прямо над скромной монастырской грядкой с капустой, с треском и вспышкой ослепительно-белого света, материализовался... скейтборд. На нем, балансируя с невероятной ловкостью, была маленькая, но невероятно дерзкая на вид черепаха в тёмных очках. За ней, кувыряясь и отчаянно цепляясь за край доски, летел ворон с подбитым крылом, а следом, извиваясь что есть мочи в воздухе, упал уж в полосатой шапочке с болтающимся помпоном.

Футя — легендарный скейт команды СМУФ — с глухим стуком приземлился на мягкую землю грядки, подминая капустные листья.

— Уа-ах! — взвизгнул Ужастик, запутавшись в длинных завязках своей шапки и кубарем вылетев с доски прямо в грязь. — Опять?! Почему всегда в грязь?! Или в навоз! Или в грядку! Я ж не овощ! Я уж! И очень чувствительный уж!

— Да, очень уж чувствительный, — ехидно отвечал ему ворон Монетка, с трудом поднимаясь и отряхивая перья от земли. Он окинул критическим взглядом скромные монастырские постройки, огороженные частоколом. — Хм. Приземлились, кажется, в гостях у прадедушки всех библиотекарей. Пахнет знаниями... и кислой капустой. Ох, моя спина... Лучше бы мы остались в лаборатории, нахваливать новый хроноблок, а не испытывать его на прочность прыжками в неизвестность.

Сиф уже соскочила с Фути и задрала на лоб очки. Её зоркие глаза мгновенно оценили обстановку: тихий монастырский двор, двух мужчин в просторных, поношенных одеждах, застывших у окна кельи с выражением совершеннейшего изумления на лицах. Хроноблок на деке Фути тихо потрескивал, остывая, индикаторы мигали ровным зеленым.

— Все живы? — бросила она, окидывая взглядом команду. — Футя цел. Блок не дымится. Значит, все в порядке. Не самая лёгкая посадка, но капуста смягчила впечатления! Так... Место? Эпоха? — Она повернулась к Монетке.

Ворон отвлекся от информационного дисплея хроноблока и склонил голову, прислушиваясь к доносящимся из кельи обрывкам спора.

— Великая Моравия, судя по данным дисплея, а также по архитектуре и языку... Это славянское государство на низменности Среднего Дуная. — Пробормотал он. — И спорят,

похоже, о самом важном моменте этой цивилизации — об азбуке. О том, как записать звуки родной речи. Так. Идентифицируем лица... Константин Философ и Мефодий. Солунские братья. Основатели славянской письменности. Вот это прыжок! Мы попали в самую гущу древнеславянского интеллектуального шторма.

— В гущу? — прошипел Ужастик, наконец, высвободив голову из шапочного плена. Его глаза были размером с монастырские монеты. — Мы попали в их капусту! Как бы нас на вилы не подняли за это!

В этот момент дверь кельи распахнулась, и на пороге появился Мефодий. Он казался еще более внушительным вблизи. Его взгляд, острый и пронизательный, скользнул по странной компании: черепахе на диковинной доске с колесами, перепачканному землей, но не утеревшему горделивости ворону. И дрожащему от страха ужу в шапочке, который, похоже, изо всех сил пытался показаться опасным.

— Кто вы такие? — прогремел он. — И что это за... колесница без коня? Или бес? Откуда явились?

Константин вышел следом, его взгляд был не гневным, а исполненным жгучего любопытства. Он рассматривал Футю, словно редчайшую диковинку.

— Не бесы, брат, — тихо сказал он. — Взгляни. Существа зело чудные, но... одушевленные. И колесница их... Она дышит. Слышишь? Гудит, как пчелиный рой в улье. — Он сделал шаг вперед. — Мир вам, странные гости. Я Константин. А это брат мой, Мефодий. Вы... из дальних земель?

Сиф выпрямилась во весь свой небольшой рост. Она чувствовала ответственность. Они вторглись в священный момент истории.

— Мир и вам, — ответила она, стараясь говорить четко и уважительно. — Мы... путешественники. Из далеких краев и времён. Кличут нас командой СМУФ. А это — Футя. Наш... экипаж. Мы не хотели тревожить ваш покой. Наше появление — дело случая.

— Случая? — Мефодий скептически хмыкнул, но любопытство брало верх. Он подошел ближе к Футе, осторожно потрогал пальцем гладкую деку. — Из какого дерева сие диво? Гладко, как полированная кость. И колеса... металл? Такого чистого металла я не видывал.

— Это... особый сплав, — уклончиво сказала Сиф. — Наш мастер Энштейнице делал.

— Что же... Проходите, гости диковинные. В этой келье мы работаем. Все тут просто, да с умом.

Команда с почтительностью переступила порог небольшой кельи, друзья с интересом стали осматриваться по сторонам.

— Путешественники из далеких времен, говорите? — Константин подошел к Ужастiku, который пытался спрятаться за Монеткой. — И что же вы ищете в нашем скромном монастыре?

— Мы... э... мы ищем знания! — выпалил Ужастик, внезапно осмелев под добрым взглядом Философа. — Очень уважаем знания! Особенно те, что связаны с буквами! Вот, например... — Он неловко потянулся к краю стола, где лежал пергамент с глаголицей, но зацепился завязкой шапки за край свитка. — Ой!

Свиток, лежавший на самом краю, покатился, разворачиваясь с шелестом. Ужастик в панике дернулся, запутался еще больше, и несколько свитков, лежавших стопкой, с грохотом обрушились на пол. Пергаменты рассыпались, как осенние листья, покрывая грязный пол кельи причудливыми письменами — греческими, латинскими, зачаточными славянскими начертаниями.

— О, нет! — вскрикнул Константин. — Мои записи!

Мефодий только тяжело вздохнул и покачал головой.

— Вот тебе и «искатели знаний». Больше похоже на баранье стадо в винограднике!

Сиф бросилась помогать собирать свитки. Монетка, кряхтя, подбирал их клювом. Ужастик, смущенный от стыда, пытался освободить завязки шапки от свитка, за который он зацепился.

— Простите! Ой, простите! — бормотал он. — Я не хотел! Эта шапка — она все портит! Я её сейчас сниму и... и съем от стыда! Нет, не съем, но спрячу!

Константин, однако, не гневался. Он поднял один из свитков, где рядом были выведены греческая «альфа», латинская «А» и его глаголическая «Аз». Его взгляд задержался на хаосе разбросанных знаков.

— Не тужи, малый, — сказал он мягко. — Пергамент крепок. А вот что интересно... — Он присел на корточки, разглядывая раскиданные свитки. — Видишь этот хаос? Разные письмена, разные начертания... Для простого человека — лес дремучий. Как найти тропу? Как показать ему, что вот этот знак — «А», а этот — «Б»? Как сделать так, чтобы рука сама выводила нужную букву, не путая её с соседней? — Он поднял свиток с глаголицей. — Мои знаки... они прекрасны, они полны смысла. Но... — он взглянул на Мефодия, — брат прав. Они сложны для быстрого письма. Для руки пахаря или кузнеца, для глаза воина.

Ужастик, наконец, освободившись, осторожно подполз к Константину. Его внимание привлек один знак на пергаменте.

— Ой, — прошептал он. — А это кто? Человечек? — Он ткнул носом в изящный знак, напоминающий стилизованную фигурку человека с поднятыми руками.

Константин улыбнулся.

— Это «Живете», — объяснил он. — Знак для звука «Ж». Ты угадал, малый. Это человек. Живой, дышащий, стремящийся вверх, к свету, к Богу. Душа, ищущая истину.

— Живете... — протянул Ужастик, зачарованно глядя на знак. — Красиво. Как будто он танцует.

— Танцует? — Мефодий хмыкнул, но в его глазах мелькнула искорка интереса. — Мужичу Святославу не до танцев. Ему бы имя свое написать на бирке для коровы, чтобы не спутали с соседской. Танцы подождут.

— Но в этом знаке — жизнь! — горячо возразил Константин. — В нем — образ! Не просто крюк или палка, а символ! Как передать богатство Божьего слова, если буквы будут убоги, как голые сучья зимой?

Сиф, собрав последние свитки, направилась к столу. Ее взгляд упал на угловатые, грубые знаки, начертанные Мефодием рядом с изящной глаголицей Константина.

— А почему бы не... соединить? — негромко сказала она.

Оба брата повернулись к ней.

— Соединить? — переспросил Константин.

— Да, — Сиф указала на знак «А» Мефодия — простой, как шалаш. — Вот — ясность. Быстро написать, легко запомнить. — Она перевела палец на изящную «Аз» Константина. — А вот — глубина. Образ. Красота. Разве нельзя найти... золотую середину? Знак, который был бы и прост для руки пахаря, и нес бы в себе искру Божью? Как... как колесо Фути, — она похлопала по деке скейта. — Простое, но позволяет делать невероятное. Крутится, катится, летит. Основа — проста, а возможности — почти безграничны.

В келье повисла тишина. Даже Ужастик замер, впечатленный речью Сиф. Мефодий смотрел на свой угловатый «А», потом на глаголический. Константин водил пальцем по пергаменту, его лицо озарялось внутренним светом размышления.

— Золотая середина... — прошептал он. — Знак простой, но не убогий. Несущий в себе отблеск высшего смысла, но не запутанный... — Он схватил калам. — Брат! Дай-ка мне тот твой «А», что похож на шалаш... — Он быстро начертил угловатый знак, но чуть скруглил его верх, придав ему легкий, устремленный вверх изгиб, напоминающий начало глаголической. — Вот. Основа — проста. Но в этом изгибе... словно начало пути. Начало молитвы. Начало мысли.

Мефодий наклонился, вглядываясь. Его суровое лицо смягчилось.

— Гм... — промычал он. — Похоже на рогатки, которыми детишки гоняют камешки. Но... яснее твоих завитушек. И крепче стоит. Не развалится.

— А для «Б»... — Константин задумался. Его взгляд упал на фигурку «Живете» —. — Образ дома... очага... — Он нарисовал рядом с новым «А» прямой, крепкий знак, похожий на стены дома, но в верхней части добавил небольшой козырек, намек на крышу — элемент, напоминавший о глаголической красоте. — Не медведь, а дом. Дом слова. Дом веры.

Монетка, наблюдавший со стороны, важно кивнул.

— Компромисс. Это столп цивилизации! Искусство уступок без потери сути. Браво, мастера. Вы куете не просто азбуку. Вы куете ключ к душам целого народа.

Ужастик, осмелев, подполз ближе и ткнул мордочкой в новый знак «А».

— А он... он не опасен? — спросил он робко. — В этих знаках нет какой-то страшной магии?

Константин рассмеялся — легким, чистым смехом.

— Нет, малый. Не опасен. Он... дружелюбный. Как дверь в новый мир. Мир, где каждый сможет прочесть слово Божие на языке матери своей...

Солнечный луч, пробившийся сквозь облако, упал прямо на стол, освещая новые знаки. Знаки, в которых уже угадывалась будущая кириллица. Рождение её было не мгновенным озарением, а мучительным поиском, спором, попыткой соединить небесную красоту с земной необходимостью. И в этом священном хаосе творения, среди разбросанных свитков и запаха чернил, незримо присутствовали четверо странных гостей из будущего, случайно ставших свидетелями того, как на свет появлялись буквы, что на века определяют судьбу великого славянского мира. Футя тихо гудел у стены, как будто запоминая этот момент. Тропа письма, тропа слова только начинала прокладываться. И, возможно, команде СМУФ предстояло пройти по ней еще много удивительных миль, которые пронесутся, пролетят как одно мгновение для наших обитателей Забайкальской лаборатории, Урсулы и Алисы.

Глава 2. Тайна «пропавших» звуков

Прошло несколько дней. Осенний воздух в Великой Моравии стал еще прозрачнее и острее. Золото листвы отливало медью на фоне сизого неба. В монастыре кипела работа. Константин, воодушевленный прорывом с основными буквами, трудился не покладая рук. Его новая азбука, рожденная в споре и компромиссе, обретала форму на пергаменте — знаки были проще глаголических, но сохраняли благородную строгость, не превращаясь в голые «рогатки». Мефодий, хоть и ворчал по привычке, уже диктовал писцам первые тексты на славянском, сверяясь с новыми таблицами.

Команда СМУФ, принятая братьями как забавные и безобидные помощники (или, в случае Ужастика, как вечный источник мелких катастроф), обжилась в тихом углу монастырского двора. Футя до недавнего времени стоял, прислонясь к стене хлева, надежно укрытый от посторонних глаз грубой рогожей. Сиф, не привыкшая к долгой неподвижности, использовала любую возможность, чтобы немного размяться. Сейчас она задействовала Футю и отрабатывала сложный трюк — «олли» с вращением доски на 180 градусов — на относительно ровном участке у кузницы. Колеса Фути с характерным шуршащим звуком цеплялись за утрамбованную землю, доска взмывала в воздух, совершала пол-оборота и снова приземлялась под её лапами.

— Смотри-ка, Моня! — крикнула она, выполняя трюк еще раз, чище и выше. — «Фронтсайд 180»! Натурально! Как будто Футя родился здесь, в девятом веке!

Монетка, греющийся на осеннем солнышке у плетня, лениво приоткрыл один глаз.

— Родился бы — его бы давно пустили на дрова или сделали из него кочергу, — проворчал он. — Здесь мы явно неуместны. Лучше бы ты. Сиф, помогла Ужастiku. Он там опять влип.

Ужастик действительно «влип». Буквально. Он пытался помочь молодому послушнику Никодиму переносить глиняные горшки с только что сваренными чернилами из кухни в скрипторий. Горшки были тяжелыми, а завязки шапки Ужастика, как назло, вечно норовили за что-нибудь зацепиться. На этот раз они умудрились обвиться вокруг ножки табурета, на котором стоял самый большой горшок с ценным, густым, сине-черным сокровищем.

— Ой, нет-нет-нет! — завопил Ужастик, почувствовав роковое натяжение. — Никодим! Держи горшок!

Но было поздно. Никодим, не ожидавший подвоха, лишь ахнул. Горшок качнулся, синяя жижа хлынула через край, заливая табурет, половицы и... разукрашенные новыми узорами ноги самого Никодима. Ужастик, дернувшись в панике, окончательно запутал свои завязки и шлепнулся в образовавшуюся лужу чернил.

В кухне поднялся крик. Выбежала перепуганная кухарка Фёкла. Появился разгневанный муж Фёклы. Сиф мгновенно направила Футю, подкатив к месту происшествия.

— Я так и знал. Опять! — простонал Монетка, прилетев на шум. — Ужастик! Ты ходячее бедствие! Ты... ты чернильная катастрофа!

— Я не виноват! — всхлипывал Ужастик, пытаясь вылезти из лужи и лишь размазывая синеву по себе и по полу. — Это шапка взбесилась! Она меня ненавидит! Или чернила меня ненавидят! Никодим, прости!

Никодим, глядя на свои перепачканные ноги и разлитые дорожные чернила, готов был расплакаться. В этот момент в дверях показался Константин. Он взглянул на хаос — лужу чернил, перемазанного Ужастика, расстроенного послушника — и... рассмеялся. Его смех, чистый и звонкий, разрядил напряжение.

— Беда, да не велика, — сказал он, подходя. — Чернила — дело наживное. Варится из того, что под рукой: дубовых орешков, куска ржавого железа да сока ольховой коры. А вот шустрого помощника жалко. — Он помог Ужастiku выбраться из лужи. — Ступай, малый, к ручью, отмойся. А мы тут приберём пока.

Пока Фёкла и Никодим принялись оттирать пол, а Ужастик, сопя, поплелся к ручью, Константин присел на ступеньку. Его лицо, только что светившееся весельем, снова стало задумчивым, даже озабоченным.

— Чернила — полбеды, — вздохнул он. — Вот звуки... те пропадают. И никак я их не поймаю в знак.

Сиф и Монетка переглянулись.

— Пропавшие звуки? — спросила Сиф, присаживаясь рядом. — Какие же?

— Вот, например, — Константин начертил палкой на земле знак, похожий на современное «Ш». — Звук, как шипение змеи. Или шум листвы в бурю. Сильный, ясный. Есть он в речи славянской. А вот в греческой... не сыщешь аналога. В латинской — тоже. Как его записать? Моя глаголица имела один знак, но он сложный. А в новой азбуке... пустота. Звука нет. Как нет и для звука, похожего на свист ветра в щели. Или для этого... резкого, отрывистого, как удар камня о камень.

Мефодий, подошедший посмотреть на последствия чернильного потопа, хмыкнул.

— А я говорил! Народные звуки они, родные. Грекам с их «сигмами» да «тау» невдомек. Надо свое придумывать. Не мудрствуя лукаво. Вот для «ш-ш-ш» — палочку да галочку, как вилы. И дело с концом.

— Вилы? — Константин поморщился. — Буква — не орудие труда, брат. Она должна... звучать даже в начертании. Должна передавать характер звука. И душу тоже.

Сиф внимательно слушала. Она смотрела на знаки, начертанные на земле, потом на Футю, стоящего рядом. Идея родилась мгновенно, дерзко и по-спартански прямо.

— Душа и характер звука для буквы? — переспросила она, вскакивая. — А давайте его... покажем! Монетка, Ужастик! Смотрите!

Она вскочила на Футю и рванула с места. Набрав скорость на ровном участке, она подъехала к груде камней, оставшейся от недавней постройки. Вместо того чтобы объехать, Сиф резко перенесла вес тела на хвост доски — Футя встал почти вертикально («мануал»), проехав на задних колесах пару метров прямо вдоль груды камней. Колеса с характерным ш-ш-ш-шуршащим звуком цеплялись за неровности камней.

— Слышите? — крикнула Сиф, спрыгивая. — Это «Ш»! Шуршание, шипение! Как колеса по камням! Знак должен быть... шершавым? С зубчиками? Как гребень, который цепляется!

Константин и Мефодий смотрели, раскрыв рты. Монетка одобрительно каркнул.

— Демонстрация с привлечением техники. Наглядно.

— А теперь «Ц»! — Сиф снова разогналась. Она подъехала к толстому пню, оставшемуся от срубленного дуба. В последний момент — резкий щелчок носком, Футя взмыл в воздух, совершил быстрый, отрывистый поворот на 90 градусов (ц-ц-ап!) и приземлился строго перпендикулярно своему прежнему пути, замерев на месте. — Видите? Резко, четко, отрывисто! «Ц»! Как щелчок! Знак должен быть таким — острым, угловатым, с четким поворотом!

Ужастик, вернувшийся мокрый, но относительно чистый, заплодировал:

— Bravo, Сиф! Как в цирке! Только без клоунов! Хотя... — он посмотрел на себя, — я тут почти клоун.

Константин не обращал внимания на реплики. Он схватил калам и клочок пергамента. Его глаза горели.

— Шуршание... Царапанье... — бормотал он. — «Ш»... Должен быть... с хвостом? С крюком? Чтобы цеплял взгляд, как колесо за камень? — Он быстро набросал знак: вертикальная черта, а сверху — нечто, напоминающее перевернутую вилку или... зубья гребня. Получилось что-то очень похожее на будущую кириллическую «Ш». — Да! Цепляется! И звучит!

— А «Ц»? — подсказал Мефодий, невольно увлеченный. — Резкий поворот... Как твоя доска. И буква острая, с шипом.

Константин нарисовал вертикальную линию, а внизу добавил острый «крюк», направленный вбок — жесткий, решительный, как остановка после прыжка. Знак, напоминающий якорь или стрелу. Прообраз буквы «Ц».

— И «Щ»? — спросил Мефодий. — Он же мягче «Ш». Как... шелест камыша. Или шёпот.

— Шёпот... — Константин задумался. Он посмотрел на знак «Ш», который только что создал. — Если «Ш» — это громкий шорох, то «Щ» — его тихий брат. Мягче... — Он добавил к нижней части «Ш» небольшой отросток, «хвостик», смягчающий резкость основного знака. Получился знак, похожий на «Ш», но с дополнительным элементом внизу — будущая «Щ». — Вот. Шипение с шёпотком.

Монетка подлетел ближе, рассматривая новые знаки.

— «Если звук рычит — дадим ему хвост!» — процитировал он сам себя с вороньим достоинством. — А если шепчет — добавим перышко. Логично. Элегантно. Философски осмысленно.

Сиф улыбнулась, вытирая пот со лба после трюков. Футя, её верный скейт, снова помог. Не разрушая, а созидая. Помог найти тропинку к новым буквам через движение, через звук самой жизни.

— А теперь, Константин Философ, — сказал Мефодий, кладя тяжелую руку на плечо брату, — давай опробуем новые знаки. Диктуй: «В начале бе Слово...». А ты, — он кивнул на мокрого, в разводах от чернил, но сияющего Ужастика, — стой смирно. И спрячь куда-нибудь свою шапку. Без нее ты, кажется, безопаснее. Хотя... не уверен.

Ужастик счастливо зашипел. Чернильная катастрофа обернулась рождением новых букв. А это, пожалуй, стоило перепачканной чешуи. Тропа славянской письменности, преодолев очередное препятствие, становилась шире и увереннее.

И где-то на этой тропе, в веселом шелесте новых букв, угадывался смех черепахи на скейте и довольное карканье ворона. А наши друзья уже отправились снова в путь!

Глава 3. Каменная летопись. Когда скалы говорят

Но что-то Футя на этот раз словно заартачился. Вместо плавного перемещения он начал издавать тревожный гул и подпрыгивать в пространстве, словно шаман с бубном. Вокруг замелькали смазанные образы: серые скалы, покрытые странными рисунками, затем внезапно озёра, сосны, и снова — огромные камни, на которых выбиты загадочные силуэты.

— Похоже, с нашим чудо-скейтом очередные чудеса? — встревожился Ужастик, прижимаясь к холодной поверхности Фути. — Он что, сломался окончательно? Мы застрянем между мирами?

— Нет, — ответил Монетка, напряженно вглядываясь в мелькающие картины. — Он... он пытается нам что-то показать. Какую-то точку, которую мы пропустили, программируя навигатор хроноблока. Смотрите!

Перед ними возникли очертания сурового северного пейзажа: бескрайние леса, озёра с прозрачной, ледяной водой, и скалы — плоские, отполированные ветрами и временем, покрытые множеством странных изображений. Футя мягко опустился на берег одного из озёр, и команда увидела на скале очертания человека с луком, преследующего лося. Рисунок был выбит в камне глубокими, уверенными линиями, и, казалось, ему не смогут повредить и десятки тысяч лет.

— Батюшки, — прошептал Ужастик. — Мы где? В древнем аттракционе ужасов?

— С чего ты взял! Тут очень красиво и спокойно, — ответил Монетка, подлетая к скале и разглядывая рисунок. — Мы в Карелии. На берегу Онежского озера. Смотрите, петроглифы! Сегодня мы знаем, что петроглифы — это рисунки, выбитые древними людьми многие тысячи лет тому назад. Более шести тысяч лет назад, если точнее. И это — начало письменности. Самое начало, до всяких букв и прочего.

— Самое начало? До всего? — уточнила Сиф, слезая с Фути и направляясь к скале.

— Да. До всего. Это — первый способ, которым человек попытался оставить след. Не просто на земле, а в вечности. Выбить свою историю в камне, чтобы она не стёрлась.

Сиф провела лапой по рисунку. Линии были грубыми, но уверенными. Лось был узнаваем — мощный, с ветвистыми рогами. Человек с луком — напряжённый, готовый к броску. И над ними — странный круг, похожий на солнце.

— Это не просто охота, — сказала Сиф. — Это... рассказ. История.

— Именно, — кивнул Монетка. — Эти рисунки — первые страницы книги человечества. Только вместо бумаги — скала. Вместо чернил — камень. Вместо букв — образы. Один рисунок мог рассказать целую историю: как охотились, во что верили, кого почитали.

В этот момент из-за скалы вышли двое — местные жители. На них были одежды из кожи, расшитые странными узорами, и они несли в руках незамысловатые инструменты, которыми выбивали рисунки. Их лица были серьёзными, сосредоточенными. Они смотрели на небо, где уже собирались тучи, и о чём-то переговаривались на гортанном, странном языке.

— Смотри, — показал Ужастик. — Они что-то затевают.

Один из древних людей подошёл к свободному участку скалы и начал выбивать новый рисунок: несколько фигур, стоящих вокруг костра, и над ними — странные зигзаги, похожее на северное сияние.

— Они записывают событие, — сказал Монетка. — Возможно, праздник или обряд. Это как дневник, только в камне.

— А почему именно Карелия? — спросил Ужастик. — Почему здесь?

— Потому что тогда здесь жили люди, которые верили, что скалы — это граница между мирами, — ответил Монетка. — Они верили, что выбивая рисунок на скале, они помогают духам, призывают удачу на охоте или общаются с предками. Это была их азбука. Их первая тропа в вечность, их послания другим людям.

— И такие рисунки есть не только здесь, — добавила Сиф, заметив в отдалении похожие силуэты на соседних скалах.

— Да, — кивнул Монетка. — И, кстати, похожие рисунки найдены по всему Уралу. Их называли «чудскими письменами», а в Сибири — «писаницами». Люди верили, что их оставила древняя «чудь» — загадочный народ, ушедший в землю. На самом деле это наши предки — охотники, рыболовы, шаманы — оставили свои послания на века. В них есть и лоси, и медведи, и сцены битв, и странные космические знаки — как тут, на Онежском озере и на Белом море.

— Космические знаки? — переспросил Ужастик.

— Да. Некоторые рисунки изображают небесные объекты, которые трудно объяснить. Возможно, это были их боги. Или пришельцы. Или просто их представления о звёздах.

Внезапно Футя издал тревожный сигнал. На скале, которую они рассматривали, мелькнуло изображение, которого команда СМУФ не замечала раньше — странная фигура с оленем, окружённая множеством точек, похожих на следы.

— Похоже на карту, — сказала Сиф. — Как будто они показывают путь.

— Они показывают тропу, — ответил Монетка. — Тропу к священному месту. Или к месту охоты. Это первая карта человечества. Нашёл её канадский учёный в одном из древних рисунков.

— А что там, в Скандинавии? — спросил Ужастик. — У них тоже были такие камни?

— И не только камни, — ответил Монетка. — Если мы отправимся как-нибудь и туда, мы увидим руны — первые настоящие буквы Севера. Они возникли примерно в I веке нашей эры, когда германские народы, вдохновившись латинским алфавитом и греческим письмом, создали свою систему знаков. Руны — это не просто буквы, это магические символы. Каждая руна имела имя и значение.

— Как наши буквы! — воскликнул Ужастик. — «Аз» — начало, «Буки» — буквы...

— Точно, — кивнул Монетка. — И у скандинавов тоже были руны, вырезанные на камне. Самый древний рунический камень, найденный в Норвегии, датируется I—III веками нашей эры. На нём вырезано имя.

— Имя? — удивилась Сиф. — Значит, они уже тогда писали имена?

— Да. И это показывает, что руны были не только магией, но и повседневным инструментом. Они вырезали их на оружии, на украшениях, на надгробиях, на предметах быта. Это были их буквы. Их первые тексты.

Футя снова загудел, и перед командой возникла голография: камень с рунической надписью, стоящий на берегу моря. На нём — несколько строк, аккуратно вырезанных, с чёткими, угловатыми знаками.

— Посмотри, — сказал Монетка. — Это камень из Норвегии, недавно найденный археологами. Он старше многих других находок. Надпись пытаются расшифровать, но уже понятно — это был первый шаг к алфавиту. От рисунков — к буквам.

— Эх, будет интересно заглянуть и туда! Значит, петроглифы и руны — это одна тропа? — спросил Ужастик.

— Одна, — кивнул Монетка. — Тропа от картинки к букве. Сначала мы рисовали лося. Потом стали рисовать его схематично. Потом — придумали знак, который его обозначает. И наконец — придумали букву «Л» или «R». Это заняло тысячи лет. Но мы прошли этот путь.

— И мы его видели, — сказала Сиф. — Вот, прямо сейчас.

Она оглянулась на скалу, где древние люди продолжали выбивать свои рисунки. Им не нужны были ни чернила, ни бумага, ни печатный станок. Им нужен был камень, костяной резец и вера в то, что их след останется.

Футя мягко тронулся с места, поднимая команду над скалами. Внизу остались люди, выбивающие на скале рисунок нового события — возможно, охоту на медведя или встречу с духами. А впереди, в тумане времени, их ждали другие первопроходцы — те, кто превратит рисунки в буквы, а буквы — в слова.

— Они не знали, — сказала Сиф, глядя вниз, — что через тысячи лет кто-то будет смотреть на их рисунки и пытаться понять, о чём они думали. Что они чувствовали. О чём мечтали.

— Они знали, — ответил Монетка. — Иначе они не стали бы выбивать их в камне. Они хотели, чтобы их слышали. И мы слышали и увидели своими глазами.

— Значит, камень — это тоже книга? — спросил Ужастик.

— Самая первая, — ответил Монетка. — И самая прочная. Ветер и дождь стирают песок, но скала стоит тысячелетия. И те, кто придёт после нас, увидит её.

Футя уносил их в новое время, оставляя позади древние скалы с их каменной летописью. Но команда знала: они не простились с этими знаками. Они взяли их с собой, как напоминание о том, что первая буква была не на бумаге, а на скале или на стене пещеры. И что тропа — небесная или земная — всегда начинается с первого шага. Или с первого удара резца по камню.

Глава 4. Чернила из черники и гнева

Еще один хронопрыжок. Вот и Новгород. 1056 год от Рождества Христова. Осень здесь дышала иначе, чем в Моравии. Не терпким дымом монастырских очагов и ладаном, а сыроватой свежестью реки Волхов, смолистым ароматом сосновых срубов и вечным, чуть кислотным запахом мокрых мостовых. Воздух звенел от колокольного звона, криков торговцев на Ярославовом Дворище и скрипа бесчисленных телег. Город жил громко, богато. И шумно, как молодой медведь, вышедший из берлоги.

Футя материализовался с привычным грохотом и вспышкой ослепительного света на задворках обширной усадьбы, явно принадлежавшей человеку знатному. Вместо монастырской грядки команду СМУФ ждала гора свежевыкопанной, влажной и пахучей глины, сваленной у сарая. Скейт угодил в неё передними колесами, зарывшись почти полностью, и замер, тихо постанывая от перегрузки.

— Фу-ух! — Сиф первая выбралась из липкого плена, отряхивая панцирь от комьев холодной глины. — Приземление — пять баллов! Особенно по художественности. Монетка, где мы? Пахнет... рекой, лесом и чем-то очень древним и важным.

Монетка уже, выкарабкиваясь из глиняного плена с достоинством подмоченного, но не сломленного аристократа. Он окинул взглядом высокие деревянные терема с коньками на крышах, крепкие бревенчатые стены, увитые пожухлым хмелем.

— Господин Великий Новгород, — определил он, прислушиваясь к доносящейся с улицы речи прохожих. — И судя по информации с дисплея хроноблока, масштабам сего подворья и запаху пергамента, доносящемуся из того окна, — мы почти в гостях у человека, приближенного к посаднику Остромиру. Это тот самый, по заказу которого пишут Евангелие. Остромирово Евангелие, древнейшую рукописную книгу XI века. Работа тонкая, ювелирная. Месяцы, а то и годы кропотливого труда. И мы... — он брезгливо стряхнул глину с крыла, — ...прибыли в виде глиняных болванов. Прекрасный старт.

— А я застрял! — жалобно запищал Ужастик. Его хвост и половина туловища были надежно замурованы в холодной, вязкой массе. Помпон шапки торчал, как печальный гриб после дождя. — Помогите! Она меня засасывает! Я сейчас стану частью истории! Древнерусский реликт, уж-ископаемое!

Сиф, усмехнувшись, подцепила его за хвост и выдернула с характерным чпоком.

— Не ископаемое, а компост, — пошутила она, отряхивая его. — Держись, Ужастик. Нас ждут великие дела. Или, по крайней мере, новые чернильные пятна на тебе.

Действительно, источником сильного, специфического запаха, смешивающегося с речной сыростью, была небольшая пристройка рядом с сараем. Оттуда валил густой, сладковато-едкий дым, и слышалось мерное бульканье и сердитое ворчание. Осторожно подкравшись к приоткрытой двери, перепачканные глиной члены команды СМУФ увидели внушительных размеров котел, висящий над раскаленными углями. Возле него копошился коренастый мужчина в посконной рубахе, подпоясанный веревкой, и кожаном фартуке, покрытом пятнами всех

мыслимых цветов радуги — от кроваво-красного до иссиня-черного. Это был чернильник. Лицо его было красным от жара и усердия, лоб покрыт испариной, а в руках он сжимал огромную деревянную ложку-весло, которой яростно размешивал густеющую массу в котле.

— Ах ты, окаянная! — ворчал он, подбрасывая в котел горсть ржавых гвоздей, которые с шипением и бульканьем исчезали в черной пасти. — Не хочешь густеть? Да я тебя, пострела, ягодкой! — Он швырнул в кипящую жижу пригоршню иссиня-черных, мятых ягод черники. — И коры! Чтоб дубовая крепость была! И орешков дубовых, чтоб цвет держала! — Туда же полетели кусочки коры и мелкие шарики дубовых галлов.

Запах стал еще сложнее — едкая гарь металла смешалась со сладковатым варом ягод, терпкой горечью коры и чем-то глубоким, древесным. Ужастик поморщился.

— Фу! Пахнет... гневом и черникой! И ржавчиной! Или это я еще от глины сам так пахну?

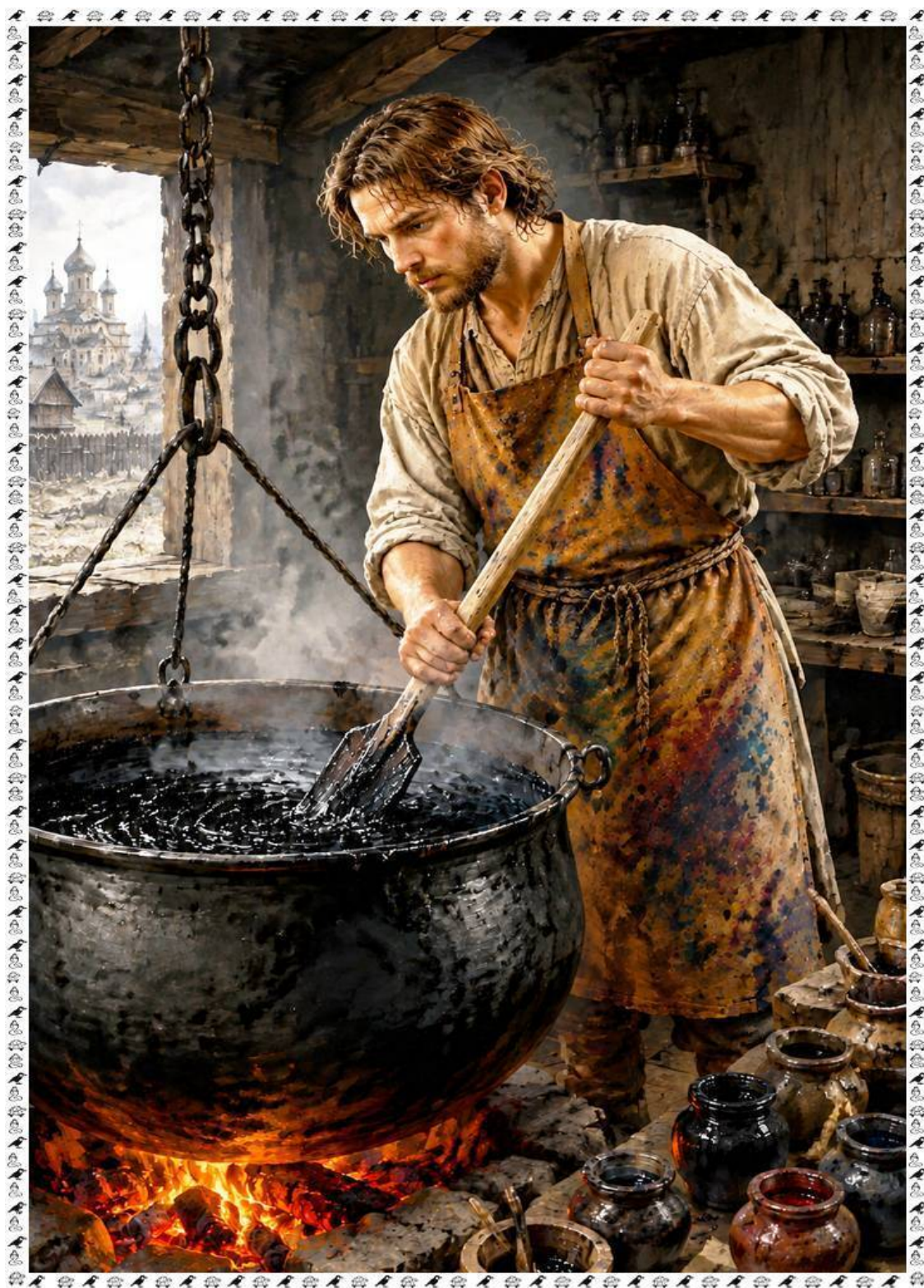
— Это, дорогой мой, запах знания, — прошептал Монетка. — Дорогого, тяжелого знания. Видишь состав? Дубовые орешники — галлы, где личинка орехотворки живет, — дают танин, основу черноты. Ржавые гвозди — соль железа, чтоб цвет закрепить и стойким сделать. Кора ольхи или дуба — для густоты, чтоб не растекалась. А ягоды черники, голубики, крушины — для оттенка, глубины. И все это варится часами, с молитвой да с проклятьем пополам. Рецепт древний, как сама письменность.

— А почему он такой злой? — спросил Ужастик, наблюдая, как парень яростно колотит ложкой по бортам котла, словно усмиряя бунтующее варево.

— Потому что чернила — существа капризные, — пояснил Монетка. — Не доваришь — будут бледные, как совесть лукавого монаха. Переваришь — станут густыми, как кисель, и забьют перо для письма. Не угодишь пропорцией — потекут, как слезы грешника по пергаменту. И все — труд месяцев коту под хвост. Пергамент-то дороже золота!

Сиф наблюдала за процессом с профессиональным интересом механика.

— Нанотехнологии по-новгородски, — заметила она. — Сложная химия на глазок. Уважаю.

Чернильник по имени Никита тем временем снял котел с огня, дал остыть и, зачерпнув ложкой немного темной жидкости, вылил на кусок чистой бересты. Чернила легли ровно, глубоким, бархатным черным цветом, с легким фиолетовым отливом. Мастер довольно крикнул, вытер пот со лба и только тогда заметил странную компанию, столпившуюся у порога.

— О, Господи, — выдохнул он, крестясь широким крестом. — Привиделось? Или это черти, что чернила мои портить пришли? Ворон говорящий, черепаха на колесах... и уж в шапке?

— Нет, не черти мы вовсе, — поспешно сказал Монетка, выступая вперед и кланяясь с достоинством заправского царедворца. — А путешественники. Любопытствующие. Мы не причиним вреда. Напротив, мы можем быть полезны. К примеру, мне известно, что если добавить в варево чуть-чуть меда, то чернила станут более вязкими и не будут растекаться по пергаменту.

Никита нахмурился, но в его глазах мелькнул профессиональный интерес.

— Мед? — переспросил он с сомнением. — Слышал я, что монахи в Царьграде добавляют вино для блеска. Но мед... — он задумался, почесал затылок. — Мед-то сладкий, к мухам привлекает. Не заведутся ли черви?

— Если варить с ольховой корой, то не заведутся, — вмешался Монетка, которого явно увлекла возможность блеснуть эрудицией. — Кора ольхи обладает дубильными свойствами и отпугивает насекомых. Ваши чернила, мастер... как вас величать-то?

— Никита я.

— Так вот, уважаемый Никита, чернила ваши уже хороши, но им не хватает... э... изюминки.

— Изюминки? — удивился чернильник. — Какие еще изюминки в чернилах? Им бы добротными быть, чтобы не выцветали да не расплывались. А изюм — для кутьи.

— А я слышал, что если добавить толченый уголь из березовых дров, — подал голос Ужастик, который, наконец, отряхнулся от глины и осмелел, — то чернота будет такой густой, что даже время ее не возьмет.

Никита с сомнением посмотрел на ужа.

— Уголь? Он же осадок даст, тяжесть. Перо будет царапать пергамент!

— Немного, самую чуточку, — настаивал Ужастик, который хотел хоть чем-то быть полезным. — Как специя. Чтоб на века. Чтоб потомки читали и удивлялись: «Ого, какой у них был черный цвет!»

Сиф, до этого молча катавшаяся по двору и изучавшая следы на земле, подкатила к ним.

— Знаете, — сказала она, — я тут подумала. Если перемешать все эти ингредиенты быстро-быстро, на высокой скорости, то они смешаются куда лучше, чем от вашей ложки. Хотите, покажу?

Не дожидаясь ответа, она разогналась на своем скейте, сделала крутой пируэт вокруг котла, подняв вихрь воздуха, который подхватил испарения и закружил их в миниатюрном торнадо. Чернильная масса в котле колыхнулась, пошла рябью, но не выплеснулась.

Никита с изумлением смотрел на это действо.

— Ты, черепаха, не простая, а с бесовским умением, — пробормотал он. — Но чернила мои уважь. Они не для забав.

— Я уважаю, — серьезно ответила Сиф, останавливаясь. — Я их уважаю как основу. Без них буквы были бы невидимыми. Без них не было бы книг. А без книг...

— Не было бы памяти, — закончил за неё Монетка. — Ты, мастер, хранитель тайны. Ты превращаешь ржавчину и лесные плоды в голос, который будет звучать через сотни лет. Это ли не чудо?

Никита просветлел лицом. В его глазах зажглось нечто, похожее на гордость.

— Верно говоришь, ворон. Без нас, чернильников, Григорий со своим пером был бы как воин без стрелы. Мы даем ему оружие. Слово пишется чернилами, а не воздухом. И сохраняется, покуда чернила не выцветут. А выцветают они от воды да от солнца. А еще от злого глаза.

Он подозрительно посмотрел на Ужастика, который при этих словах попытался спрятаться за Сиф.

— Не бойсь, — усмехнулся чернительник. — Я тебя в том не подозреваю. Да и сам на чернила сглаз не навожу. Я их делаю.

Он подошел к деревянному чану у стены и вынул из него несколько свежих, еще влажных листов пергамента.

— Смотрите, — он разложил их на столе. — Пергамент из телячьей кожи. Стоит дорого. Требуется бережного обращения. А вы тут с вашими вихрями...

— Мы осторожно, — заверила Сиф. — Мы умеем быть невесомыми и невидимыми. Когда надо.

В этот момент из соседнего терема вышел высокий, худощавый мужчина. Он был одет в добротный, но простой кафтан, лицо его было бледным от долгой сидячей работы, но глаза — невероятно живыми, острыми, впивающимися в детали. В руках он держал гусиное перо, как воин держит меч. Это был Григорий, дяк и писец, творец Остромирова Евангелия.

— Никита, чего за шум такой? У нас гости? — спросил он тихим, но четким голосом. — Или бесы на печи пляшут? — Его взгляд скользнул по странной компании: воодушевленная черепаха с чудным прибором, слегка напуганный ужик в вязанном чепчике и заносчивый ворон с всклокоченными перьями.

— Бесы, отче Григорий, — усмехнулся Никита, указывая ложкой на команду СМУФ. — Но бесы, видать, ученые. Вона какие приспособления у них, да и разговор ведут очень уж толково.

Григорий подошел ближе. Его взгляд упал на Футю, на его гладкую деку, странные колеса, на едва заметно светящиеся элементы хроноблока.

— Дивное диво, — прошептал он. — Не от мира сего. — Он посмотрел на Сиф. — И ты, едешь... на сей колеснице? Искусница большая. Взор у тебя острый. Не хочешь ли... перо опробовать? Букву сможешь ли вывести?

Сиф смутилась. Она ловко управлялась с доской, могла рассчитать прыжок через пропасть, но тонкое искусство каллиграфии...

— Я... я больше по железу, — честно призналась она, поджимая лапки. — Буквы у меня получаются, как у кузнеца молотком.

Григорий улыбнулся, и в улыбке этой было что-то отеческое.

— Искусство требует времени. И терпения. Как вот это... — он показал на пергаментный лист, который нес под мышкой. На нём был выведен всего один знак — заставка, невероятной сложности и красоты. Переплетение стилизованных зверей, птиц, растительных побегов, образующее огромную, сияющую киноварью (ярко-красной краской) букву «И» - Ижеи. — Один знак. Восемь дней работы. Каждая линия — молитва. Каждый завиток — дыхание. Киноварь... — он тронул пальцем ярко-красный элемент. — Цвет крови Христовой. Символ жертвы и любви. Такую красоту нельзя на раз-два сотворить. Ее надо выносить. Выстрадать.

Монетка, рассматривая заставку, тихо свистнул.

— Миниатюра. Ювелирное искусство на пергаменте. Вес этих восьми дней ощущается в каждой линии. Терпение, достойное титана. Или... очень преданного своему делу человека.

— А что внутри? — спросил Ужастик, подползший и заглядывающий через плечо Григория. — Там же целая книга! Ты её... всю так пишешь? Буквочки все, одну за другой? Это ж... — он попытался представить масштаб, — ...это ж до старости!

Григорий кивнул, и в глазах его светилась не усталость, а какая-то тихая, сосредоточенная радость.

— До старости, малый. До последнего дыхания. Ибо пишу не просто слова. Пишу Слово Вечное. И каждый знак, каждая буква должны быть достойны Его. Это... путь. Долгий путь. Но идущий по нему — не один. — Он посмотрел в небо, где сквозь осенние облака пробивался слабый луч солнца.

Сиф смотрела на писца, на его худые, но сильные пальцы, державшие перо, на его лицо, озаренное внутренним светом. Она понимала дерзость полета на скейте, преодоление препятствий. Но здесь была иная дерзость. Дерзость терпения. Дерзость кропотливого, ежедневного подвига творения. Тропа, которую прокладывал Григорий, была невидима глазу, но она вела сквозь века. И команда СМУФ невольно ступила на неё, запачканная новгородской глиной и брызгами от кипящих чернил, но навсегда впечатленная тихим величием этого труда.

Глава 5. Остромирово Евангелие. Буква как ювелирное искусство

Скрипторий в палатах посадника Остромира был не похож на тесную монастырскую келью брата Мефодия, того самого Константина Философа, который в своё время примет имя Кирилл — известное сегодня каждому школьнику. Так вот. Скрипторий — просторная, светлая горница на втором этаже терема. Большие слюдяные окна пропускали рассеянный осенний свет. Воздух был напоён запахами воска, древесины, кожи и всё той же вездесущей, но здесь — благородной, как старая реликвия, — чернильной пыли. Вдоль стен стояли широкие дубовые столы, заваленные свитками, листами пергамента, каламами, ножами для подрезки пера, пузырьками с красками. Но центром вселенной здесь был стол Григория. На нем, под особым наклоном, лежал огромный лист пергамента невероятной белизны и гладкости. Это была страница будущего Остромирова Евангелия. Рядом, в идеальном порядке, стояли чернильницы: с густым черным зельем Никиты, с драгоценной киноварью, с зелёной краской — ярь-медянкой и с голубой «лазорью». Кисти из тончайшего беличьего волоса лежали, словно маленькие священные жезлы.

Сам Григорий сидел недвижимо, склонившись над листом. В правой руке он держал гусиное перо, остро срезанное и тонко расщеплённое на самом кончике. Левая рука, для верности, слегка прижимала пергамент. Дыхание его было почти неслышным. Он писал. Не просто выводил буквы — он творил их, как великий скульптор ваяет из мрамора. Каждый штрих был выверен, плавен, невероятно точен. Буквы ложились на белоснежную поверхность ровными, тёмными строчками — это устав! Прямые, как копья, с едва заметными утолщениями на концах основных вертикалей — «каплями». Междустрочие ровное, словно прочерченное по незримой линейке. Это был не почерк — это было ювелирное искусство, застывшее в чернилах! Священные слова обретали плоть под его рукой.

Команда СМУФ затаилась в дальнем углу горницы, боясь не то что чихнуть, а даже дышать шумно. Монетка сидел на подоконнике, наблюдая за работой мастера с почтительным благоговением. Сиф прислонилась к стене, её взгляд скользил по линиям текста, пытаясь уловить ритм, музыку этой немой работы. Ужастик пристроился под столом, боясь шевельнуться, но не в силах оторвать глаз от волшебного танца пера.

— Двести девяносто четыре листа... — прошептал Монетка, словно про себя. — Каждый — как этот. Очищенный, выглаженный пемзой и мелом пергамент. Каждая буква — шедевр уставного письма. Заставки, инициалы, украшенные киноварью, золотом... Месяцы? Годы труда одного человека. Феноменальная концентрация. Абсолютная преданность делу. Вот она — истинная цена слова, запечатленного для вечности!

— Т-с-с. А если он... чихнет? — прошептал Ужастик из-под стола, его голос дрожал от ужаса перед возможной катастрофой. — Или рука дрогнет? Или муха сядет? Весь труд насмарку!

— Тогда, — так же тихо ответил Монетка, — он аккуратно соскоблит ножом ошибочную черту, отполирует место пемзой и напишет заново. Идеал не терпит суеты. Или несовершенства.

Григорий дописал строчку. Он не спеша отложил перо, потянулся, разминая затекшие пальцы и спину. Его взгляд упал на гостей. Он улыбнулся — устало, но тепло.

— Не бойтесь, малые, — сказал он. — Я не святой лик пишу, где дух святой трепещет над каждой линией. Хотя... — он посмотрел на пергамент, — каждое слово здесь — свято. Но дышать можно. И говорить. Только тихо.

Сиф сделала осторожный шаг вперед.

— Это... невероятно, — сказала она искренне, указывая на страницу. — Каждая буква такая ровная. И... Словно живая.

Григорий рассмеялся тихим, грудным смехом.

— Привычка, милая. И любовь. И еще... — он поднял свое перо, — хороший инструмент. Перо от левого крыла гуся — самое упругое. И умение его наточить — целая наука. — Он показал тонкий нож и брусок. — Но главное — здесь. — Он приложил руку к сердцу. — И здесь. — Он постучал пальцем по лбу. — Видеть строку до того, как она ляжет на пергамент. Слышать ритм слов. Знать каждую буквицу, как родного сына или доченьку.

Он взял новый лист — чистый, ослепительно белый. На нём был намечен легким нажимом карандаша из свинца лишь контур огромной буквы — инициала. Буква «В» - Веди. Начало Евангелия от Иоанна: «В начале бе Слово...». Этот инициал должен был стать шедевром — переплетением звериного орнамента, листьев аканфа и сложнейших плетёнок.

— Вот, где душа развернётся, — сказал Григорий, беря тончайшую кисть и окуная её в киноварь. — Кровь Слова. Основа всего.

Он начал выводить первый, основной контур буквы. Рука его была тверда, линии — уверенны и плавны. СМУФы замерли, наблюдая, как на белом поле рождается огненная, сложная вязь. Григорий погрузился в работу, его лицо стало непроницаемой маской сосредоточенности. Мир сузился до кончика его инструмента и киноварной линии на пергаменте.

И вот, когда буква «В» уже обрела свои величественные очертания, а Григорий перешел к проработке внутреннего орнамента — тончайших веточек и завитков, — случилось непредвиденное. Он замер. Кисть остановилась в воздухе. Его брови сдвинулись. Он смотрел на букву, потом на эскиз, висевший рядом на стене, потом снова на букву. Что-то было не так. Не хватало... завершающего штриха. Элемента, который должен был связать композицию, придать ей законченность и особый смысл. Он знал, что-то должно быть там, в самом сердце плетёнки, но... забыл. Забыл, что именно! Месяцы назад, когда делал эскиз, он ясно видел это в уме. А теперь... пустота. Проклятая пустота!

— Нет... — прошептал он, и в его голосе прозвучала настоящая боль. — Не может быть... Забыл. Как же так? Что там должно быть? Рыбка? Птица? Цветок трилистника?.. — Он провел рукой по лицу, оставив легкий киноварный отпечаток на лбу. — Нет, всё не то... Всё не то!

Тишина в горнице стала гнетущей. Даже Ужастик почувствовал отчаяние мастера. Сиф и Монетка переглянулись. Помочь? Но как? Они не знали замысла Григория.

И тут Монетка, сидевший на подоконнике, увидел за окном. На голой ветке старой рябины, уже предлагавшей свои ягоды птицам, сидела... сорока. Черно-белая, стремительная, с длинным, похожим на плетёный шнур, хвостом. Она что-то выклёвывала из трещины в коре, её клюв был повернут в профиль — острый, четкий, уверенный.

Идея, яркая, как киноварь, блеснула в вороньем уме. Монетка вспомнил древние славянские поверья. Сорока — вещунья, птица новостей, но также... символ проворства и даже... намек на евангельский образ? Не птица ли ворон приносила пищу пророку Илие? Но сорока... она была здесь, сейчас, перед окном! Её стремительный профиль, её хвост-косица...

— Хвост! — громко каркнул Монетка, забыв про тишину. — Косица! Завиток! Как у неё! — Он клювом ткнул в окно, где сидела сорока.

Григорий вздрогнул и обернулся. Его взгляд устремился к окну. Он увидел сороку. Увидел её острый, повернутый в профиль клюв, похожий на изящный крючок. Увидел длинный, грациозный хвост, заканчивающийся плетёным узором перьев. И в его глазах вспыхнуло озарение.

— Да! — воскликнул он. — Да! Клюв! И косица! Знак вести! Знак начала! Именно! Как же я забыл! — Он схватил кисть, не обращая внимания на киноварь, капнувшую на стол. Новый прилив энергии заставил его руки летать над пергаментом. В сердцевину сложного орнамента буквы «В» он вписал изящный, стилизованный профиль птичьей головы с острым клювом, а из нижней части буквы вывел тонкий, сложный элемент, напоминающий плетёный птичий хвост — косицу. Это был последний штрих, связующее звено. Буква ожила, обрела динамику, смысл. Теперь это был не просто узор. Это был символ — начала, Благой Вести, которую несет птица.

— Bravo, пернатый советник! — Григорий обернулся к Монетке, его лицо сияло благодарностью и радостью. — Ты подсказал! Ты напомнил! Спасибо тебе!

Монетка важно склонил голову.

— Случайное наблюдение. Удача. Но иногда именно случайность возвращает утраченное звено в цепи замысла...

В этот момент под столом раздался громкий БА-БАХ! и звон разбитого стекла. Все вздрогнули. Ужастик, пытавшийся рассмотреть работу Григория поближе и потянувшийся из-под стола, зацепился завязкой шапки за ножку табурета, на котором стояла небольшая, но очень важная склянка с лазоревой краской — ультрамарином, привезённым, возможно, с самого Востока. Склянка рухнула на каменный пол и разбилась вдребезги. Драгоценная синева, цвет небесной чистоты, растеклась по полу, как крошечное озеро.

— О-о-ой! — завизжал Ужастик. — Я... Это шапка! Опять шапка!

Григорий замер. Его взгляд перёшел от сияющей киноварью буквы к синему пятну на полу. На его лице не было гнева. Была... усталая покорность судьбе. Он вздохнул.

— Лазорь... — прошептал он. — Цена — золотая гривна, не меньше. И где теперь её сыщешь...

— Ужастик! — зашипел Монетка. — Ты... ты ходячее бедствие в своей шапке! Ты же только что разбил кусочек неба!

Но Сиф уже действовала. Да, у Ужастика иногда плохие отношения с красками, но он остаётся её другом. Она просто схватила со стола большой чистый лист промокательной бересты (использовавшейся для удаления излишков чернил) и, как лопатой, начала аккуратно, но быстро сгребать драгоценную лужу ультрамарина на бересту. Синяя краска жадно впитывалась в пористую поверхность.

— Быстро, Григорий! — крикнула Сиф. — Чистая склянка! Или... вот! — Она указала на небольшую пустую глиняную плошку для смешивания красок.

Григорий, опомнившись, протянул плошку. Сиф ловко перенесла в нее пропитанную ультрамином бересту.

— Краска в бересте! — сказала она. — Не пропадет! Можно потом... выжать или размочить! Главное — не растерять!

Григорий взял плошку с синей берестой, как святыню. Он посмотрел на Сиф, на перепуганного Ужастика, на синее пятно на полу, на спасенную краску.

— Спасибо тебе, — сказал он тихо. — И тебе, малый, — он кивнул Ужасту, — за... напоминание о бренности всего земного. И о ценности мгновенного решения. — Он поставил плошку с берестой на стол. — Этот ультрамарин... он теперь особый. Впитал в себя и небо, и землю, и ваше... странное присутствие. Буду помнить.

Он вернулся к своему столу, к буквице «В», сиявшей киноварью. Тень досады ушла. Осталась лишь сосредоточенная ясность. Он взял кисть, окунул её в чернила Никиты и продолжил писать ровные, вечные строки устава. Команда СМУФ снова затаила дыхание. Они видели, как рождается не просто книга. Рождалось чудо. Чудо терпения, мастерства и веры, запечатленное на пергаменте, который переживет века, войны, пожары и донесёт далеким потомкам бессмертное Слово и частичку души дьяка Григория. Где-то в причудливом орнаменте буквы «В», возможно, навсегда останется едва уловимый отголосок птичьего профиля, подсказанного вороном, и едва уловимый отблеск синего пятнышка, краски, спасенной черепахой. Тропы небесного слова и земных судеб переплелись здесь, на их глазах в новгородском скриптории. В один осенний день 1056 года.

Глава 6. Берестяные грамоты: Когда история пишется ножом

Время, словно неугомонный паук, сплело новую паутину для Фути. Воздух Новгорода, еще недавно звонкий от колоколов и шумный от торга, сменился другим — пропитанным сыростью земли, пылью веков и едким запахом тлеющих костров. Вместо теремов и мостовых перед командой СМУФ раскинулся хаотичный лагерь: палатки, натянутые веревки с сохнувшим бельем, горы вынудой земли и люди в грязных спецовках, копошащиеся в глубоких, прямоугольных ямах. Это был не древний Новгород, а Новгород середины XX века. 1950-е годы. Археологический раскоп на Неревском конце.

Футя, к счастью, приземлился не в шурф, а на относительно ровную площадку у штабеля недавно вынутых бревен — остатков древней мостовой. Хроноблок тихонько потрескивал и шипел, остывая.

— Уф-ф! — Монетка, отряхивая пыль с перьев, огляделся. — Кажись, мы промахнулись веков эдак на девятьсот. Но место узнаваемое. Только... сильно потрепано временем и лопатами. И что это за люди? Одежда странная... И копают, как кроты, но с таким азартом!

— Археологи, — определила Сиф, соскакивая с деки Фути. Её взгляд сразу выхватил детали: аккуратные слои земли в стенках раскопов, мелкие кисточки в руках некоторых копателей, корзины с находками — черепки, кости, куски железа. — Они ищут прошлое. Слой за слоем. Как мы, только медленнее и без хроноблока.

— Ищут прошлое? — Ужастик, прячась за Футю, выглянул одним глазом. — Зачем? Оно же... прошлое. Его уже нет. Оно ушло. Как вчерашний ужин.

— Чтобы понять сегодня, малый, — философски заметил Монетка. — И предугадать завтра. Прошлое — фундамент. А эти люди — каменщики памяти.

Их появление, разумеется, не осталось незамеченным. От палатки с табличкой "Начальник раскопа" отделился человек. Невысокий, коренастый, с умными, усталыми глазами за толстыми стеклами очков и неизменной трубкой в зубах. Лицо его было покрыто слоем пыли, как маской. Это был профессор Артемий Васильевич, легенда новгородской археологии.

— Э-э-э? — произнес он, подходя, и его трубка дернулась. — Откуда... звери? И с... доской? На раскопе? Это же опасно! И запрещено! Как сюда попали?

Сиф, мгновенно сориентировавшись, ведь опыт общения с людьми из разных эпох уже был немалый, сделала шаг вперед.

— Мы... потерялись, — сказала она с максимальной искренностью. — Играли... в путешественников во времени. А тут ваши ямы... и мы засмотрелись. Очень интересно! Что вы ищете?

Профессор смягчился. Энтузиазм к его делу он не мог не приветствовать.

— Ищем, черепашка, голоса из прошлого, — сказал он, махнув трубкой в сторону раскопов. — Не громкие голоса князей или митрополитов. А тихие. Обычных людей. Вот, например... — он достал из кармана спецовки небольшой, аккуратно завернутый в папиросную бумагу предмет. Развернул. Это был продолговатый кусок березовой коры, слегка изогнутый, с процарапанными по внутренней, более светлой стороне, знаками. — Грамота. Берестяная. Нашли утром в слое XIII века. Вот тут — буквы. А вот... — он осторожно повернул грамоту, и СМУФ увидели на обороте грубовато, но выразительно нацарапанное перочинным ножом изображение: всадник на коне, поражающий копьём некоего зверя. Зверь был явно фантастический — с крыльями и разинутой пастью. Дракон.

— Ого! — воскликнула Сиф, рассматривая рисунок. — Да это же... рыцарь! И дракон! Прямо как в сказке! Кто это рисовал? Ребенок?

— Скорее всего, — кивнул профессор, и в его глазах загорелся знакомый команде СМУФ огонек — огонек исследователя, нашедшего клад. — Видите надпись? "Поклон от Онфима к Даниле. Иди сюда..." Дальше текст поврежден. "Иди сюда..." — вероятно, на реку, на игрище. А на обороте — свои фантазии. Учебная грамота мальчика Онфима. Он учился писать, а заодно... мечтал о подвигах. Вот она — живая история. Не летописная повесть, а шепот ребенка из XIII века.

— Онфим... — прошептал Ужастик, замороженно глядя на корявые буквы и энергичный рисунок. — Он, наверное, был совсем обычным ребенком. И дракона боялся по-настоящему?

— Главное — он оставил след, — сказал Монетка, рассматривая грамоту. — Не на пергаменте за золото, а на куске коры, заточенным гвоздем или ножом. Потому что хотел сказать. Хотел позвать друга. Или победить своего дракона на бумаге... вернее, на бересте.

Профессор вдруг нахмурился.

— Беда в том, что голосов этих — тысячи, но они... рассыпаются. Буквально. — Он подвел их к столу под большим брезентовым навесом. На нем лежали десятки фрагментов бересты — мелкие, хрупкие, покрытые темными пятнами и с едва различимыми царапинами-буквами. Рядом сидела молодая женщина-археолог с лупой, пытаясь как пазл собрать обломки одной грамоты. Лицо ее выражало отчаяние. — Влажность, время, давление слоев... Береста расслаивается, ломается. Текст теряется навсегда. Вот эту, — он указал на кучку фрагментов перед женщиной, — нашли сегодня. Похоже, письмо о долге. Может, о любви. А собрать не можем. Ключевой фрагмент утрачен или рассыпался в пыль при извлечении.

Сиф посмотрела на фрагменты, потом на Футю, потом на друзей. Идея созрела мгновенно.

— Профессор, — сказала она решительно. — А если... попробовать по-другому? Не собирать руками, а... увидеть, как она лежала в земле? Может, тогда пойдем, где какой кусочек?

— Увидеть? — профессор скептически поднял бровь. — Микроскопы у нас не такие мощные, милая. А рентген... не покажет порядок слоев текста.

— Не микроскоп, — улыбнулась Сиф. — Машина времени. Ну, почти. Дайте нам координаты! Где нашли эту грамоту? Самый точный квадрат, слой!

Профессор Артемий Васильевич смотрел на них, как на сумасшедших, но что-то в уверенном блеске глаз черепахи и важном виде ворона заставило его поверить имю махнуть рукой.

— Ладно, чудаки. Иван! — крикнул он молодому рабочему. — Покажи этим... путешественникам, квадрат 7-Г, горизонт 3, точка находки "Должник". Только осторожно! Не разрушайте стратиграфию!

Пока Иван вёл их к месту находки, Сиф наклонилась к Ужастик и Монетке:

— Надо нырнуть прямо туда. В момент до того, как её достали. Увидеть целой, запомнить, что там. И вернуться.

— Рискованно, — заворчал Монетка. — Провалиться в пласт земли — не самая приятная перспектива. Да и хроноблок может не выдержать точного позиционирования в такой плотной среде.

— Но это единственный шанс, — настаивала Сиф. — Иначе голос "Должника" пропадет навсегда. Футя справится. Я чувствую.

Указав Ивану остаться на краю раскопа, команда СМУФ спустилась в квадрат 7-Г. Стены из плотной, темной земли, пахнувшей гнилью и временем, возвышались вокруг. На дне, в углу, был аккуратно очерчен мелком контур, где лежала рассыпавшаяся грамота. Сиф установила Футю точно в центр контура.

— Держись крепче, Ужастик, — предупредила она. — Монетка, навигация! Точка: Новгород, Неревский конец, слой пожара... ориентировочно 1260-е годы.

Монетка, прикрыв глаза, сосредоточился, как будто настраивая невидимые антенны. Его клюв шевелился, бормоча расчеты.

— Горизонт... влажность... давление... Эх, будь что будет! Даёшь точность! Координаты — замок!

Сиф нажала на едва заметную сенсорную панель хроноблока. Футя загудел глубже, вибрация стала ощущаться всем телом. Воздух вокруг заколебался, стал плотным, как желе. Земля под доской... перестала быть землей. Она как будто раздвинулась, стала прозрачной, текучей. СМУФ ощутили резкий толчок — не вверх и не в стороны, а вглубь. В слой. Во тьму и сырость XIII века.

Они не провалились в грунт физически. Это было скорее состояние погружения, как ныряние в мутную воду. Их окружала не земля, а её сжатый, плотный образ — темнота, холод, запах тлена и гари, бесконечное давление. Футя светился слабым, изумрудным светом хроноблока, освещая лишь небольшое пространство вокруг. И прямо перед носом доски, в этом призрачном, но осязаемом слое прошлого, лежал... целый, нетронутый лист бересты. Он был слегка свернут в трубку, перевязан лыком. Через полупрозрачную кору угадывались темные линии письма.

— Вот она! — прошептал Монетка, забыв про страх. — Целая! Не рассыпалась! Видишь, Ужастик? Вот он, голос из прошлого!

— Вижу, — прошипел Ужастик, жмурясь от страха перед окружающей темнотой и давлением. — Только бы не рассыпалась сейчас! И хорошо бы мы тоже не рассыпались! И не выскочил... сам Онфим! Он же может тут копать, искать свою грамоту!

— Тише, — скомандовала Сиф. — Футя, фотофиксация! Максимальное разрешение! Обе стороны!

Хроноблок на деке Фути замигал интенсивнее. Невидимые сенсоры сканировали берег-стяной свиток, проникая сквозь слои времени и коры, фиксируя каждую царапину, каждую букву, каждый штрих рисунка. Процесс занял несколько напряженных секунд. Давление нарастало, темнота стучалась, казалось, вот-вот их поглотит слабый изумрудный свет. Ужастик зажмурился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.